

VI открытый региональный конкурс
исследовательских и проектных работ школьников
«Высший пилотаж-Пенза» 2024

**Постмодернизм в татарской поэзии:
на примере творчества Юлдуз
Миннуллиной и Лилии Гибадуллиной
Направление «Культурология»**

Выполнила :
Хабибулина Эльвира Ринатовна,
ученица 9 «Б» класса
МБОУСОШ №1 им.Л.Б.Ермина с.Засечное
Научный руководитель:
Преображенская Н.А.,
учитель русского языка и литературы
МБОУСОШ №1 им.Л.Б.Ермина с.Засечное

Пенза,2023

Оглавление

Введение	1
Глава 1	
«Творчество Юлдуз Миннуллинной»	
1.1.Эффект фрагментарности	2
1.2.Основные мотивы лирики	2-3
1.3.Функция лирического героя	3
1.4. Поэтика стихотворений	4-5
Глава 2	
«Творчество Лилии Гибадуллиной»	6
2.1. Принципы структурообразования, содержательные особенности произведений	7
2.2.Иллюзорность в творчестве Лилии Гибадуллиной	7
2.3.Статус лирического героя.	8
2.4.Использование художественных приемов.	9
2.5.Мотивы и образы.	12
Заключение	14
Библиографический список	15

Введение

Татарская поэзия на рубеже XX – XXI вв. характеризуется размыванием художественных принципов, многоликостью и широтой экспериментов. В творчестве молодых поэтов, заявивших о себе в начале XXI в., возникают такие явления, которые для татарской литературы стали открытием. В связи с этим появилось ощущение масштабного разрыва с национальными традициями. Смена картины мира, трансформация субъектно-объектных отношений приводили к формированию новой художественной парадигмы – постмодернизма в различных его проявлениях. Именно в творчестве самых молодых поэтов оформилось направление, которое среди стилевых ответвлений постмодернизма выделяется сложностью мироощущения, призрачностью и мерцанием многочисленных мотивов, многополярностью и фрагментарностью. На первый взгляд, написанные в данном ключе тексты кажутся абсолютно новыми (иными) для татарской литературы, однако глубинный анализ выявляет в них диалог с восточными традициями.

Актуальность работы определяется: 1) необходимостью последовательного комплексного изучения произведений молодых современных поэтов; 2) целесообразностью углубленного лингвистического анализа и лексического анализа стихотворений; 3) необходимостью изучения признаков постмодернизма в рассматриваемых произведениях.

Цель работы — проанализировать стихотворения двух современных татарских поэтесс, выявить признаки постмодернизма в произведениях, определить культурную и лингвистическую ценность стихотворений, требующих особой рецепции и отличающихся свободой экспериментирования.

Указанная цель предполагает решение следующих задач:

- 1) раскрыть художественное разнообразие текстов стихотворений и дать их лексико-семантическую и лингвистическую характеристики;
- 2) провести анализ отдельных произведений и их фрагментов;
- 3) представить общую панораму развития современной татарской поэзии постмодернизма
- 4) сравнить творчество Юлдуз Миннуллинной и Лилии Гибадуллинной.

Объект исследования: стихотворения Юлдуз Миннуллинной из сб. «Күк тирмәсе» и Лилии Гибадуллинной.

Предмет исследования: жанровые и языковые особенности произведений современной татарской поэзии постмодернизма.

Гипотеза исследования: мы предполагаем, поэтическое творчество Л. Гибадуллинной и Ю. Миннуллинной развивается в рамках постмодернистской парадигмы художественности.

Методы: наблюдение, анализ и обобщение.

Глава 1

«Творчество Юлдуз Миннуллиной»

Татарская поэзия на рубеже XX-XXI вв. характеризуется масштабностью постмодернистских экспериментов. Среди молодых поэтов завершенностью подобных исканий, особенностями своего стиля выделяется творчество Юлдуз Миннуллиной, молодой поэтессы, первый небольшой сборник стихов «Күк тирмәсе» (2011) которой уже позволяет сделать такие обобщения. Юлдуз Миннуллина – основоположница татарской городской поэзии, прозаик, переводчик, режиссер. Организатор конкурса «Яңа татар прозасы», лауреат конкурса «Яңа татар пьесасы-2007», «Тантана» (2022) член союза писателей Республики Татарстан. Перевела на татарский язык мировую литературу («Вино из одуванчиков» Р. Брэдбери, «Золото Серебряной горы» А. Озорниной, «Записки сумасшедшего» Н.В. Гоголя, «Амфитрион» Ж-Б. Мольера, «Реквием» А.Ахматовой и циклы «Сказка о черном кольце»).

1.1.Эффект фрагментарности

Ее поэзии свойственна лиричность и символичность, стремление к детализации, иллюзорность, в стихах можно выделить множество смыслов. По нашему мнению, основным художественным принципом в творчестве Юлдуз Миннуллиной выступает фрагментарность.

Эффект фрагментарности достигается отказом от последовательной повествовательной стратегии в пользу коллажа и обеспечивает множественность смыслов. Вместе с тем, вполне в традициях современной татарской поэзии заметно и присутствие авторского сознания, которое просматривается часто в названиях текстов, «в виде иерархически неупорядоченных фрагментов» [2, с. 205].

Творчество молодой поэтессы отличается также иносказательностью, и в названиях текстов зачастую кроется указание на смысл-доминанту. Например, длинный и фрагментарный монолог в стихотворении «Тиңсезлек» / «Неравенство» иносказательно повествует о любви молодых с разной религиозной ориентацией. Однако в самом тексте это «запрятано» в язык символов и деталей, нет ни одного открытого указания на данный смысл. Только название стихотворения, которое стилизовано по жанровым признакам под «длинное стихотворение» / «озын шигырь» и состоит из 7 разделов, раскрывает этот мотив. Таким образом, название стихотворения получает «автономию».

1.2.Основные мотивы лирики

Сборник стихов Ю. Миннуллиной открывается упомянутым стихотворением «Тиңсезлек» / «Неравенство». Текст рассказывает о все возрастающем чувстве любви и заканчивается в точке отказа от нее. Сопровождают этот центральный мотив многочисленные удивительные образы: цветы – желтые голландские тюльпаны, жасмин, роза; звуки: блюз, звуки трамвая, паровоза, религиозный символ, горн, сообщающий о конце света; движение: улица, трамвай, озеро Кабан, кафе, дом, остановка трамвая, храм, железнодорожный вокзал. Времена года сменяют друг друга: снежная зима, февраль – весна – летний дождь – осенний дождь.

Множество ассоциаций, которые уводят внимание то к танцу Кармен, то к вселенскому потоку после семидневного дождя, то к образу самой любви в виде храма, то через религиозную символику, указывают на образ молодого священника, влюбленного в «дочь сарацинов» (обобщенное название мусульман). Только в самом конце стихотворения лирическая героиня на какой-то миг идентифицируется с этой девушкой-мусульманкой. Очень сложно организованный текст полон множества мотивов и смыслов. Любовный мотив прерывается мотивом о грехе; тот, в свою очередь, – мерцанием любовного треугольника; мерцает всепрощающая человеческая любовь: «Исэн генә йөрсен, / исән генә...» / «Пусть только живет, пусть будет здорова...». Кроме основного, ни один из них не выделяется авторским сознанием. По сути, текст является «открытым произведением» (У. Эко) – мозаичным, пребывающим в постоянном движении, ракурсы которого зависимы от сознания читателя [5, с. 286].

В каждом стихотворении присутствует философский мотив, который зачастую становится самым важным. В «Бозлы тэрэздә бармак эзе» / «След пальца на обледенелом окне», например, воссоздается обычная картина жизни: лирический герой наблюдает за ночным городом. Типичная мозаика: зима, бабушка внуку вяжет носки, старый лодочник гуляет возле речного порта, уходит в ночь мужчина из дома напротив мечети, вслед летит бальзамин с балкона. Эти фрагментарные детали объединяются авторским сознанием в последних двух строках:

Тоньклана бара шәһәр...
тының белән жылытмасаң әгәр [4, б. 13]. /
Город теряет ясные очертания...
если не согреть его своим дыханием

Мысль о том, что каждый человек сам создает действительность вокруг себя, сам интерпретирует и выделяет смыслы, заставляет вернуться к деталям.

1.3. Функция лирического героя

В отдельных текстах структурообразующую функцию выполняет лирический герой- бунтарь, чувства которого, бьющиеся из одного края в другой, напоминают подобных лирических героев татарских поэтов начала XX века. Но в то же время «запратанная» ирония переносит их в иную, постмодернистскую плоскость, в плоскость постмодернистской чувствительности. Например, в стихотворении «Ә бер дүшәмбедә» / «А однажды в понедельник», казалось бы, представлен образ-характер человека, который весной вдруг почувствовал желание жить, желание освободиться от «потолков и поводов».

Однако уже с первой строфы начинается воссоздаваться хаос бытия, и периодически возникающее у героя желание жить указывает, что человек не живет вовсе:

Ә бер дүшәмбедә Май
башиланды – Ахшам
алды иде:
Нидер эчтән өзелде дә
Тезген-түшәмнәрне Көзге
яңгырларга тикле Читкә
этте,
Жете яшел тәрәзаләр, Сәдәпләре
төшкән күлмәк төсле,
Гел әңилбәгә. «Әгәр» ләрсез генә, айда,
Йөрәктаудан сөрән-дәгъва:
Яшисе килә [Там же, б. 15]!

/А однажды в понедельник
Наступил май –
Был вечерний час:
Что-то оборвалось внутри и До
осенних дождей Отодвинул в
сторонку
Все поводья – потолки.
Ярко-зеленые окна,
Как потерявшая пуговицы рубашка,
Нараспашку. Давай, без всяких если»
Из сердца голос-требование:
Хочется жить!

В этом хаосе под названием жизнь, где никто не живет вовсе, по задумке поэта, некоторые «болеют весной»: в результате у них возникает желание жить:

*Безгә, әни, шундый захмәт
тигән, Үтмәсен дип, син дә
келәү келә – Тезгеннәрне өзәр
исәрлек бу, әни:
Мең яшисе килә [Там же, б. 16]. /
К нам, мама, пристала такая
болезнь, Читай и ты молитву, чтобы
не прошла –
Эта болезнь может оборвать поводья, мама:
Хочется тысячу раз жить.*

1.4. Поэтика стихотворений

Повторяющийся образ поводьев указывает, что жить – это значит быть свободным. Но, кроме этого, в стихотворении определяются и другие «свойства» жизни: умение плакать, сопереживать («һавадан яшь исе килә?!») / «Небо пахнет слезами?!»); быть выше «необходимостей», «прогнозов» / «Фаразларга, фарызларга каршы //Әллә нидә бер // яшисе килә!».

Мерцающий мотив в строках:

*Намазлыкка – каеп чиккэн
сөлге, Сөлгеләрдә – эни кулы. /*

Вместо молитвенного коврика – вышитое
полотенце, Вышито руками мамы

– указывает на возможность интерпретации героя как религиозного человека. Рядом с «молитвенным ковриком» появляется и «ахшам», который означает и время вечерней молитвы, и «фарыз» – которое может быть понято как богоугодное дело.

По такому же принципу написанное стихотворение «Жирдә була шундый көннәр» / «На земле бывают такие дни» также при помощи риторического возгласа «Уянырга ашык» / «Поторопись проснуться» устанавливает интертекстуальную связь с общеизвестным мотивом сна. Продолжая этот диалог, текст по-иному интерпретирует «явь»: «зародись», «люби» / «Ярал!» «Ярат!».

Еще один текст, «Исеңдәме» / «Помнишь ли», для оценки действительности использует древнюю историю тюрко-татар:

*Исеңдәме,
Илгә каза килә
калса, Алтай тавы
Тулган айны калкан итте.
Богаулары батып кереп, ана
бүреКоры жсирне тырный-
тырный
Ал кан итте [Там же, б.
31]. /Помнишь ли,
Когда стране грозила
опасность, Горы Алтая
Превращали луну в щит.
Волчица, раздирая лапы в
оковах, Царапала сухую землю,
Обагрят ее кровью.*

Обращаясь к общеизвестному мифу о том, что Алтай является прародиной тюрков, а пращура тюрков воспитала волчица, Ю. Миннуллина воссоздает образ кровавого прошлого, а затем, в следующих строках переносит эту картину на сегодняшнюю действительность. Повтор констатации «Без бит болай бер яшәгән инде» / «Мы ведь так уже жили» и последняя строка: «Без бит башкача яшәргә тиеш» / «Мы ведь должны жить по-другому» звучат критической оценкой современности.

Стихотворения Миннуллиной, посвященные любви, отличаются экспрессивностью и емкостью образного ряда, философичностью. «Ярлыкавың көтеп» / «В ожидании твоего прощения», например, воссоздает картину казни Иисуса. Эта картина открывает возможность оценивать любовь – силой, превращающей человека в виноватого и пророка одновременно.

Воссоздаваемый Ю. Миннуллиной мир полон неожиданностей и экспрессии, он фрагментарен, так как состоит из проекций человеческих представлений, трактуется как нечто движущееся и меняющееся. Называя человека – «Чертовым колесом» / «Шайтан тэгэрмэче», смерть – возвращением домой, во Вселенную («Без киткэндэ» / «Когда мы уйдем»), лирического героя – «волчком гисьяна» («Шайтан тэгэрмэче» / «Чертово колесо»), автор одновременно и эпатирует, и заставляет задуматься, зарождает ощущение беспокойства, деструкции. Данное творчество сопротивляется легкому прочтению, требует особой рецепции и отличается свободой экспериментирования.

Глава 2

«Творчество Лилии Гибадуллиной»

2.1. Принципы структурообразования, содержательные и формальные особенности произведений

Творчество молодой поэтессы Лилии Гибадуллиной прежде всего отличается иносказательностью. Автор никогда прямо не говорит о чувствах-переживаниях лирического героя, идеи скрыты, а мотивы, которые напрямую связаны с узнаваемыми образами, перекликаются с чужими предшествующими текстами. Поэтическая парадигма зачастую возникает в диалоге с татарской мифологией, фольклором, народной песней. Например, в стихотворении «Жир караңгы» («Земля в темноте») воссоздается картина темной ночи при помощи таких рас- пространенных образов природы, как темное небо, земля в темноте, беспокойный ветер, одинокая луна. Стихотворение воспринимается как образец пейзажной лирики, в котором возникает интертекстуальная связь с классической поэзией XX в.

Однако брошенная будто невзначай в середине текста (во второй строфе) фраза устанавливает параллелизм между картиной природы и жизнью человека:

Йолдыз чүпләп караңгыдан	Жизнь проходит в поисках
гомер	звезд
кичә...	в ночи...

2.2. Иллюзорность в творчестве Лилии Гибадуллиной

Экзистенциальная оценка действительности и человеческой жизни как поиска светлого в темноте заставляет вернуться к детально воссозданной картине внешнего мира, в которой преобладают темные краски: «земля в темноте», «небо в темноте», «ночь темна», «беспокойный ветер – ночной вор». Появляется и исчезает совершенно иной мотив – мотив одиночества, мерцание которого придает тексту таинственность. Мерцание поддерживается многочисленными повторами. Иногда диалог с фольклором специально подчеркивается при помощи стилизации. Например, стихотворение «Соры томан арада...» («Между нами серый туман») имеет тот же ритм, что и татарские народные песни. Более того, автор использует хорошо узнаваемые фольклорные образы:

Соры томан
арада, Күк ярлары
аллана.

Ә төн, ай-хай, кара ла...

Таң жиле юлда уйный,
Сулыгып йолдыз
сулуй, Һәр нурдан
кояш ургый, Иртэнге
чыкны урлуй.

Сүзләрне күзләр күмә,
Ялгыш эндәшә
күрмә... Күңел
дөнъяны күрә,
Юллардан еллар үрә...
Елмаям шуңа күрә...

Между нами серый туман,
Розовеют берега небес.
А ночь, ой-ой, темна...

На дороге играет утренний
ветер, Томно дышит звезда,
Из каждого луча хлещет
солнце, Крадет утреннюю
росу.

Все слова заматаются
взглядами, Не обмолвись
словом ненароком... Душа
познает мир,
Из дорог плетет годы...
Потому я и улыбаюсь...

2.3..Статус лирического героя.

Как и в народной песне, первая часть текста рассказывает о природе, во второй части как бы ненароком лирический герой сообщает о радости познания, которое происходит каждый день, каждую ночь, отчего любое проявление бытия – новый миг познания – вызывает у человека улыбку.

Во многих стихотворениях иллюзорность обеспечивается новым для татарской поэзии статусом лирического героя. Он рассказывает про свои стремления, которые коррелируют с идеальной моделью бытия. Однако отсутствие оценки реальной жизни (она может быть продумана читателем как антиномия идеала) делает лирического героя неспособным реализовать свои намерения. Например, в стихотворении «Әх! Хисләргә жигелеп...» («Ах! Подчиняясь чувствам...») лирический герой говорит о своем желании выйти на улицу в метель, подчинившись чувствам. Но последние строки (особенно повторяющаяся форма *-асы иде бер*) указывают на неосуществимость такого действия:

Чыгасы иде бер урамга,
Чыдасы иде бер буранга!..

Выйти бы хоть раз на
улицу,
Выдержать бы хоть раз
метель!..

Эти строки ассоциируются с сатирическими стихотворениями Гамиля Афзала. Вторая строфа завершает создание типажа лирического героя, напоминающего лирического героя Гамиля Афзала – кроткого, у которого, несмотря на большие устремления, никогда не хватало смелости «выплеснуться наружу» :

Гайбәткә
карамый,
Сүзләрне
аямый
Чыгасы иде бер урамга
Котырган буранда!

Не обращая внимания на
сплетни, Не обращая
внимания на слова, Выйти
бы однажды на улицу,
Когда бушует метель!

Если в поэзии Г. Афзала такой лирический герой создавался при помощи авторской иронии и воспринимался человеком своего времени, порожденным советской идеологией, то в стихотворениях Л. Гибадуллиной он получает авторскую экзистенциальную оценку. Например, в стихотворении «Ә очасы килә...» («А летать хочется...») желание летать типизируется как неосуществимая мечта всех людей, в душе которых живет прапамять птиц. Усиливая этот мотив, поэтесса указывает на иную возможность прочтения, и во второй части второй строфы появляется (вернее, мерцает) новое содержание, которое может быть осмыслено по-разному:

Ә очасы килә
Каурыйларны
Коя-коя ташлы юлларга...
...Син яварсың,
яңгыр, Тик иртәгә,
Соңга кала күрмә
Еларга...

А летать хочется,
Перья роняя
На каменные
дорожки...
...Ты прольешься,
дождь, Но завтра,
Не опоздай
Поплакать...

2.4.Использование художественных приемов.

Прямое обращение лирического героя к дождю, возможность его опоздания, необходимость оплакивать полет могут быть интерпретированы неодинаково. Несколько мерцающих мотивов в итоге формируют такое явление, как ризома – способ организации целостности с множеством открытых смысловых потенциалов.

Иногда поэтическая парадигма узнаваемых образов и невозможность точно определить главный мотив порождают эффект мерцания смыслов. Например, в стихотворении «Яндыр эле ялкыныңда, яңгыр!» («Зажги меня в своем огне, дождь!») узнаваемые образы природы: дождь, капля, ветер, листья, серое небо, облака – на первый взгляд, создают картину осеннего дня. Параллельно с ней развивается экспрессивное переживание лирического бунтаря :

Яндыр эле ялкыныңда, яңгыр!
Көйдер эле, калыйм тамчыга

Зажги меня в своем огне,
дождь!
Испепели, пусть превращусь в
каплю.

На этом фоне каждый образ природы начинает восприниматься двояко. Так, «лист дерева с глазами, полными слез» («яшьле күзле яфрак»), символизирует лирического героя. Этот прием заставляет читателя искать иные мотивы, указаний на которые в самом тексте нет.

В произведениях Л. Гибадуллиной удачно и уместно используется такой прием, как эвфония – звуковой повтор, превращающий их в аллитерационный стих, канонизированный в тюркских литературах. Зачастую звуковые повторы задерживают внимание читателя на отдельных словах в поиске дополнительных значений и смыслов. Приведем пример:

...Кайдадыр.	...Где-то там.
Кандагы кайнарлык –	Огонь в крови – заиндевел.
кыраулы. Һәр караш	Каждый взгляд ранит.
кадалып яралый.	Когда к душе обращаются
Жаннарга яшеннәр	грозы, Плакать нельзя,
дәшкәндә Еларга ярамый,	нельзя.
ярамый...	Кому-то
Кемгәдер	Прощение – вырывание от инаковости,
Ярлыкау – ятлыктан бер	Освобождение.
йолку, Бер йолу.	Какие же традиции в этой
Йоласы ничектер бу якта...	стороне... Сторонясь от пыли
Читләтеп үтелер юлларның	предстоящих дорог, Пробуждает
тузанын Сагыну сусавы уята.	ностальгия.
Аякта чакларда, таяклар –	Пока ты стоишь на ногах, посох – это
мескенлек. Без килдек, без убоже-	ство.
күрдөк, без жиңдек!.. Ничектер	Мы пришли, мы увидели, мы
Кичекми	победили!.. Как-нибудь,
Кайтасы иде бит,	Не опоздав,
Каядыр кайтасы иң элек...	Вернуться
	бы,
	Куда-то необходимо вернуться прежде
	всего...

Доминантное содержание связано с мотивом вечного возвращения – желанием человека и человечества вернуться «куда-то», чтобы начать жизнь сначала. Строка «Без килдек, без күрдөк, без жиңдек!..» («Мы пришли, мы увидели, мы победили!..») устанавливает интертекстуальную связь с общеизвестными словами Юлия Цезаря: «Пришел, увидел, победил», тем самым указывая, что речь идет о возвращении в те времена, когда совершались великие победы. Так появляется мотив возрождения в памяти народа поры, когда предки были победителями. Однако связанный с мифологизацией истории тюрко-татар, этот мотив ускользает: нет ключа к такому прочтению.

Другая строка «Һәр караш кадалып яралый» («Каждый взгляд ранит») придает содержанию личностный характер. Историческая ситуация превращается в историю человека (лирического героя), находящегося в состоянии принятия решения («Жаннарга яшеннәр дэшкәндә» – «Когда к душе обращаются грозы»): в критические моменты у людей появляется желание вернуться к началу пути. Эта философия подтверждается повторами в последних строках.

Такое же мерцание наблюдаем при описании чувств и переживаний. Например, в стихотворении «Күкләр биек...» («Небо высокое...») восторженно-патетический пафос первой строки тут же сменяется чувством сожаления:

Күкләр биек.	Небо	высокое.
Учларымда тоям	Ощуцаю	в ладонях
Хыялларның төссез тузанын...	Бесцветную	пыль моих
	мечтаний...	

Выражение «бесцветная пыль» меняет характер переживаний. Подобные переходы сопровождают весь текст, но в каждой строфе они служат разным целям. Во второй строфе переливы чувств указывают на то, что человек живет иллюзиями:

Мин күкләрнең жиде катында күк,	Я чувствую себя на седьмом
Мин күкләрнең жирге катында	небе,
	Я нахожусь на земле.

В третьей строфе констатируется необходимость ощущения высоты, чтобы прожить земную жизнь чистым и честным. В четвертой строфе гармония бытия определяется в умении жить на земле и чувствовать зов неба. Каждое чувство, таким образом, коррелирует с философским мотивом, который исключает предыдущее умозаключение.

Л. Гибадуллина умело использует практически все возможности аллитерационного стиха. Часто каждое слово в строке начинается с одного и того же звука, например:

Хәнжәрләр хәтере – хакыйкать. Хак
кушкан хаклык бар, Хаклык бер!»

Или:

Каннарда кайтаваз котыра:
“Хәтерлим! Хәтерлим!!!” Хәтер
Мин...»

Иногда даже образы, запоминающиеся и удивляющие новизной взгляда, создаются из созвучных слов. Например, в элегическом стихотворении о прощании с детством «Яланаяк язлар китә бездән...» («Босоногая весна уходит от нас...») автор называет детство «яланаяк язлар» («босоногая весна»).

2.5. Мотивы и образы

Практически в каждом тексте Л. Гибадуллиной присутствует философский мотив, в некоторых произведениях экзистенциалистское содержание становится доминирующим. В стихотворении «Чиксезлек турында пышылдап...» («Шепча о бесконечности...») поэтесса обращается к философии иллюзионизма, согласно которой «пространственно-временной внешний мир есть только видимость, “покрывало Майи”, фантазмагория, феномен мозга и т. п.» Лирический герой заявляет:

Тартылам, тайпылам, Стремлюсь, схожу с пути,
талпынам... Жил дә юк, ил дә порываюсь... Нет ни ветра, ни
юк, МИН дә юк... страны, ни МЕНЯ...
...Тын урам ...Улица тиха.

Так все объявляется иллюзией, кажимостью. Таковую же картину наблюдаем в стихотворении «Минсезлек» («Без меня»), где строки «Минсезлек. / Мин минсез калада» («Я в городе без меня») представляет собой игру с концепцией иллюзионизма.

В рамках философии иррационализма, которая отрицает возможность разумного познания действительности и «выдвигает на первый план внерациональные аспекты духовной жизни человека: инстинкт, интуицию, чувство, волю, мистическое «озарение», воображение, любовь, бессознательное и т. п.», Л. Гибадуллина воссоздает причудливые, завораживающие красотой картины. Например, в стихотворении «Жирдән – күккә, күктән жиргә кадәр...» («От земли – до неба, от неба до земли...») все строится вокруг поэтической парадигмы общечеловеческой мифологии о существовании в людях окна во Вселенную. Устанавливается интертекстуальная связь, с одной стороны, со стихотворением Г. Тукая «Шөһрәт» («Слава», 1913), в котором великий татарский поэт использует образ окна человеческой души в мир; с другой – со стихотворением М. Аглямова «Тәрәзәгез булса» («Если у вас есть окна», 1983), где структурообразующую функцию выполняют понятия: *өй тәрәзәсе – күңел тәрәзәсе (дөньяга тәрәзә) – актив тормыш позициясенә тәрәзә – ил мәнфәгатенә тәрәзә* (окно дома – окно души (окно в мир) – окно в активную жизненную позицию – окно к интересам страны (народа)). В стихотворении Л. Гибадуллиной речь идет о двух разных окнах – окнах человеческих душ и окнах во Вселенную:

Жирдән – күккә, күктән жиргә
кадәр Кадакланган ачык
тәрәзәләр.

Тәрәзләрдән таңда Тәңре
карий. Ә пәрделәр зәңгәр.

Акшарланган күккә, кара
жиргә Артык килешле күк
шушы чалым... Жирдән –
күккә, күктән жиргә кадәр
Дөнъялыкың бүген бикле
чагы...

От земли – до неба, от неба до
земли Открытые окна
заколочены.

По утрам в окна смотрит
Всевышний, А занавески синие.

Этот цвет подходит к
обеленному небу, К черной
земле...

От земли – до неба, от неба до
земли Жизнь сегодня заперта...

Всевышний смотрит в заколоченные окна – значит, и человеческие души, и, следовательно, окна во Вселенную закрыты людьми. Однако стихотворение не завершается этой фразой: использовав фразеологизм «күк капусы ачылу» («раскрываются небеса»), указывающий на невозможность свершения, автор в последних строках констатирует:

Пәрделәре зәңгәр ачык В окна с синими занавесками
тәрәзләрдән Акрын гына таңда По утрам тихонько смотрит
Тәңре карий... Всевышний...

Такая концовка предоставляет возможность двоякого прочтения. В соотносении с первой картиной она означает, что, хотя со стороны душ людей окна заколочены, они всегда открыты со стороны Всевышнего (окна во Вселенную). Кроме того, создаваемая поэтом мистическая картина подчеркивает непознаваемость бытия (небеса никогда не раскроются!), указывает на возможности только чувственного познания.

В некоторых текстах именно поэтическая парадигма – интертекстуальная связь с национальной культурой – создает неожиданные мотивы (мерцание мотивов). Показательно в этом плане стихотворение «Мең чыбыркы ысылдавы жилдә...» («В ветре слышен свист тысяч кнутов...»). В нем дается оценка истории татар, которая, согласно идее автора, находится в состоянии руин, не превратившись в память. Вот первая строфа:

Мең чыбыркы ысылдавы
жилдә Хәрабәләр һәйкәл
булган илдә. Таң атышлый
гына кояш бата... Сибелә
генә чәчәк, сибелә жилгә...

В стране, где руины стали
памятниками, В ветре слышен
свист тысяч кнутов.
Солнце садится, пережив зарю...
Цветок осыпается, осыпается на
ветру...

Образ осыпающегося цветка («сибелә чәчәк») указывает на одноименную народную песню, в которой выражается тоска по родине, по любимой. Этот образ

придает тексту философский и этнонациональный оттенок: история татарского народа (осыпающегося цветка) становится предметом печали.

Во второй строфе образ падающего минарета в оставшихся от предков городах (*Бабалардан калган калаларда / Дөнъя авыш микән, манарамы?..*), указывая и на Казань, и на Болгар, вызывает критическую оценку сегодняшней действительности. Но в этой строфе имеется еще один образ: *көл өстенә гөлләр сибү фалы* (обряд посыпания золы цветами), напоминая татарскую поговорку и связанный с цикличностью, вечным возрождением, верой в птицу феникс. В связке с четвертой строкой данный образ получает негативное значение, формируя иронию автора, который не надеется на возрождение былого величия. В третьей и четвертой строфах раскрываются причины неверия: память народа спит, находится в бессознательном состоянии. Дополняют картину две другие смыслообразующие конструкции. Во-первых, поговорка «аягүрә төш күрү» (дословно: «видеть сон наяву») и, во-вторых, перифраз поговорки «не ломай хребет неродившемуся жеребенку»:

Заман эле зарсыз, аңсыз гына	Время	безропотно,
Биле сынык туган таен сата	бессознательно	
	Продает	родившегося со
	сломанным	хребтом
	жеребенка	

Таким образом, поэтическое творчество Л.Ф. Гибадуллиной развивается в рамках постмодернистской парадигмы художественности.

Заключение

Многомерная игра с контекстами превращает стихотворения этих современных авторов в сложные произведения с множеством мерцающих мотивов. Их выявление зависит от уровня подготовленности читателя. Стихотворения Юлдуз Миннуллиной и Л. Гибадуллиной завораживают таинственностью, иллюзорностью, доминирующий смысл зачастую ускользает, переходит на уровень межтекстовых связей. Обилие аллитераций, умелая игра с узнаваемыми образами-символами, даже фразами, философичность и иносказательность являются характерными чертами творчества этих поэтесс.

Библиографический список

1. Загидуллина Д. Ф. Модернизм в татарской литературе первой трети XX века. Казань: Татар. кн. изд-во, 2013. 207 с.
2. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996. 251 с.
3. Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М.: НПК «Интелвак», 2001. 1600 стб.
4. Миңнуллина Й. Ф. Күк тирмәсе: шигырьләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. 47 б.
5. Фаустов А. А. Фрагмент // Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. С. 285-286.
- 6.Л.Г. – Гыйбадуллина Л.Ф. Тынлык кайтавазы: шигырьләр. – Казан: Тат. кит. нәшр., 2010. – 39 б.

РЕЦЕНЗИЯ

на учебное исследование ученицы 9 «Б» класса

МБОУСОШ №1 им.Л.Б.Ермина с.Засечное

Хабибулиной Эльвиры

по теме « Постмодернизм в татарской поэзии : на примере творчества Юлдуз Миннуллиной и
Лилии Гибадуллиной»

Проект готовился под руководством учителя русского языка и литературы Преображенской Натальи Александровны. Рецензируется с целью рекомендации его на участие в открытом региональном конкурсе исследовательских и проектных работ школьников «Высший пилотаж - Пенза» 2024.

Актуальность этой темы заключается в том, что татарская поэзия на рубеже XX-XXI вв. характеризуется масштабностью постмодернистских экспериментов. Среди молодых поэтов завершенностью подобных исканий, особенностями своего стиля выделяется творчество Юлдуз Миннуллиной, молодой поэтессы, первый небольшой сборник стихов «Күк тирмәсе» (2011) которой уже позволяет сделать такие обобщения, и Лилии Гибадуллиной. Их творчество сопротивляется легкому прочтению, требует особой рецепции и отличается свободой экспериментирования, поэтому оно интересно современному читателю.

Содержание работы соответствует целям и задачам. В ходе учебного исследования проведена большая работа по изучению и подробному анализу содержания различных текстов Юлдуз Миннуллиной и Лилии Гибадуллиной . Хабибулина Э. показала умение работать с энциклопедическими источниками, интернет – ресурсами, библиотечными фондами.

Результаты выполненной работы: изучено творчество Ю. Миннуллиной и Лилии Гибадуллиной , выделены особенности их стиля, отмечены черты постмодернизма. Работа явно новая, смелая. Учебное исследование имеет большую практическую значимость. Материалы могут быть использованы на уроках литературы, а также на дополнительных занятиях и внеклассных мероприятиях для повышения интереса к исследовательской деятельности и развития речи обучающихся.

Рецензент

Преображенская Н.А.,

учитель русского языка и литературы

МБОУСОШ №1 им.Л.Б.Ермина с.Засечное

5.12.2023